

Анатолий Зарецкий

**В КРЫМ
НА ВЕЛОСИПЕДАХ**
Рассказы

Анатолий Зарецкий
В Крым на велосипедах

«Издательские решения»

Зарецкий А.

В Крым на велосипедах / А. Зарецкий — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-748015-8

На одном из пляжей задержались, решив искупнуться перед дорогой. — Идите отсюда, — подошел абориген с красной повязкой и суковатой палкой в руке, — Здесь дикарям нельзя. Здесь санаторий. — А где можно? — спросил его. — Думаю, нигде, — оптимистично заявил тот. — Бред какой-то. Море рядом, а купаться нельзя. — Покупайте путевки и купайтесь. А дикарям нельзя, — повторил он свое заклинание. — Сам ты дикарь, да еще с дубиной! — рассмеялись мы и тронулись в путь, подальше от цивилизованных дикарей.

ISBN 978-5-44-748015-8

© Зарецкий А.
© Издательские решения

Содержание

Артек	6
Мечты-мечты	13
Мариуполь	21
Конец ознакомительного фрагмента.	31

В Крым на велосипедах
Рассказы
Анатолий Зарецкий

© Анатолий Зарецкий, 2016

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Артек

Нас с Женькой снова рассадили. Такое уже было в этом году. Раза три, а может и больше. Но сейчас терпение нашей учительницы Ольги Дмитриевны лопнуло окончательно. Она так и сказала:

– Все, ребята. Мое терпение лопнуло окончательно, – и пересадила моего друга к Игорю Альтшуллеру.

Игорь отличник, как и я. Теперь ему поручили перевоспитывать троечника Женьку.

Только разве его перевоспитаешь? Он не дурак, мог бы и сам хорошо учиться. Вот только лень вперед него родилась, как говорит моя бабушка Крестная. К тому же он тихо говорить не может, да еще и неуступчивый. Нет, Игорю с ним не справиться...

Эх, этого Женьку, да к нашему Ленчику. Тот бы его быстро перевоспитал. Ленчик вор авторитетный, с ним не поспоришь. Что не так, сразу в морду.

А Женька любит спорить. Прав, не прав, все равно будет доказывать, пока с ним ни согласишься, хотя бы понарошку. А не согласишься, может и в драку полезть. Меня он, правда, теперь боится. Как-то не удержался, дал ему раза два под дых, как Ленчик учил. Больше с кулаками не лезет. Схватит сзади и держит, пока ни сдамся. И не вырвешься – он сильнее меня. Так вот и спорим, иногда даже на уроках.

Похоже, он привык быть первым, потому и спорит со всеми – и в классе, и во дворе. Как ни как, его папа авиационный генерал. Правда, сам Владимир Владимирович добрый. Он только смеется, когда Женька пытается спорить даже с ним, с отцом.

Сына он балует. Подарил ему настоящий офицерский кортик. А совсем недавно, на день рождения – охотничью двустволку. Патронов только нет, но это не беда. Если что, можно взять у дяди Коли. Он охотник. У него таких патронов много, не заметит.

А вот мама у Жени строгая и такая же шумная, как он. И тоже любит быть на виду. Она у нас председатель родительского комитета. Всеми командует: нами, нашей учительницей, завучем и даже моей мамой – она тоже в родительском комитете.

За глаза все называют женину маму «генеральшей», а кто-то из родителей однажды сказал, что она типичный «генерал в юбке». Все так смеялись, даже Женя, потому что никто никогда таких генералов не видел – с лампасами на юбке.

Не знаю, почему, но все три года учебы в школе я всегда помогал кому-нибудь из отстающих. Сначала это был Вовка Бегун. Но он мой друг еще с дошкольных времен. В первом классе, когда мы учились вместе в нашей, тогда еще мужской школе, я сидел с ним за одной партой. Учеба ему не давалась, но с моей помощью он легко вытягивал на троечку с плюсом любой предмет, даже арифметику.

Дома его за те тройки жестоко пороли ремнем. Даже плюсы не спасали. Отец хотел, чтобы он стал отличником, как я. Но в это не верила даже Ольга Дмитриевна. К концу года у Вовки, наконец, стали появляться четверки, за которые его тоже пороли, хотя и не так усердно, как за тройки. Но во втором классе его и еще десятка полтора наших ребят променяли на девчонок. Наша мужская школа вдруг стала, как и все другие, смешанной.

А ко мне посадили Вову Сигова. Сказали, по просьбе его родителей. Отец Вовы большая шишка и очень хотел, чтобы сын хорошо учился. У Вовы это не получалось. Как сказала Ольга Дмитриевна, ему не хватало усидчивости, зато у меня ее было на двоих. Вот нас и усадили вместе за одну парту, усидчивость делить.

Через месяц Вову было не узнать – он стал твердым «хорошистом».

А меня вдруг пригласили в дом на Сумской улице, где обитало важное харьковское начальство и где в огромной квартире жил Вова Сигов с родителями и прислугой. Как же мне у них понравилось. Особенно еда. Дома мы всегда ели одно и то же. Как говорила Крестная, на первое вода с картошкой, на второе картошка без воды, а на третье вода без картошки.

– Чем же тебя там угощали, сынок, что ты до сих пор есть не хочешь? – удивилась мама, когда я отказался от картофельного супа.

– Мама... Я ел куриные котлеты с чем-то очень вкусным. А потом пил вишневый компот с пирожными... Как же вкусно, – поделился с ней. Она лишь тяжело вздохнула, молча придвинула к себе мою тарелку и начала с аппетитом есть суп без хлеба. Хлеба у нас снова не было, вот уже несколько дней...

На следующий день прямо из школы мы с Вовой пошли к нам. Мой друг с удивлением оглядел наше скромное жилище. Но ему понравился огромный сундук, в котором хранились вещи. Днем мы с Сашкой сидели на нем за обеденным столом, а ночью он служил мне кроватью.

– Какое чудесное кресло, – восхитился Вова, когда мы у ourselves с ним не на голый сундук, а на полушубок, подложенный мамой специально для моего гостя.

Мама не рискнула угостить его нашим пустым супом и картошкой. В тот день у нас, наконец, появился хлеб. Она нарезала его мелкими ломтиками, полила постным маслом и посыпала солью. И мы ели тот хлеб, запивая кипятком из железных кружек.

– Чем это вы нашего Вовочку угощали? – спросила на следующий день Вовина нянечка мою маму, встретив ее в школе, – Пришел вчера от вас и с таким восторгом рассказывал родителям. Ничего, говорит, вкуснее не ел.

Мама только рассмеялась – оказывается, и куриные котлеты могут надоесть...

Днем мы готовили с Вовой уроки, а вечером, когда приезжал с работы его отец, играли в настольные игры, или смотрели диафильмы на большом белом экране. У Вовы их было много. Каждый день новые. Как же мне нравилось у них...

Но наша дружба кончилась быстро, как и началась. Мне трудно понять, был ли я тому причиной? Возможно, был.

– Что за шкет с тобою ходит? – спросил Ленчик, поджидавший меня из школы.

– В нашем классе учится, – ответил ему.

– Он ни на Сумушке живет? – проявил он поразившую меня осведомленность о местожительстве моего нового друга.

– На Сумушке.

– В большом доме?

– Ага.

И Ленчик долго расспрашивал меня о том доме, попасть в который было не просто. Надо было позвонить из автомата по городскому телефону 3—63-56 в квартиру Вовы, и только тогда охрана, предупрежденная хозяевами квартиры, пропускала в дом.

– Ладно, Толик, твоя задача достать ключи от квартиры. У твоего шкета они есть?

– Нет. Его встречает нянечка.
– Вот у нянечки и достань, – дал задание Ленчик.
– Как?! – ужаснулся я, мгновенно сообразив, во что меня втягивает авторитет.
– Ты умный, Толик. Сам сообразишь, но на этой неделе ключи должны быть у меня, – объявил Ленчик и, хлопнув меня по плечу, ушел...

В свои девять лет сообразить, как правильно поступить, я не мог. Знал лишь, что не выполнить приказ авторитета невозможно. Нельзя даже рассказать кому-либо о его задании – это секрет, который кроме нас двоих не должен знать никто. Ну, а сказать родителям или заявить в милицию – такое мне даже в голову не могло прийти. И дошкольник знает – это измена.

Ключи из сумочки нянечки вытащил мощным магнитом. Она даже не заметила. Вместе с магнитом незаметно бросил их в кусты. К ним домой не пошел, потому что знал – в квартиру они попадут нескоро. Ключи отдал Ленчику. Что было дальше, не знаю, но к Вове я больше не ходил. Мне было стыдно перед нянечкой.

А в школе Вова рассказал, что нянька потеряла ключи, и пришлось менять все замки. Не знаю, что подумали тогда взрослые, догадались ли о моей роли, или нет, но буквально через неделю моего друга перевели в другую школу. Я скучал целый месяц, а потом все же позвонил по телефону 3—63-56, который запомнил на всю жизнь. Сколько ни звонил, мне больше так никто и не ответил. Ни разу...

А ко мне посадили Женю Шлифера, и опять же по просьбе его родителей. После Жени были еще Игорь Альтшуллер и Алик Гершгорин. И все повторялось один к одному, как с Вовой Сиговым. Ребята подтягивались в учебе. Игорь даже выбился в отличники. Но едва я попал в богатые квартиры своих одноклассников, появлялся Ленчик. Откуда он узнавал, не знаю, но работать на него мне больше не хотелось. И приходилось срочно рвать отношения с очередным другом, причем взаправду. Ведь Ленчик мог за мной следить...

А потом появился Женька Иоффе. Сначала, правда, возникла сама генеральша:

– Толик, я тут с Ольгой Дмитриевной разговаривала. Она сказала, что ты с Игорем поссорился. Почему?

– Не знаю, Вероника Васильевна.
– Ты же его в отличники вытащил, а он.
– Он тут не причём... Он и сам способный. Без меня справится.
– Значит, с ним больше дружить не будешь?
– Ни за что, – искренне ответил ей...

В тот же день ко мне пересадили Женьку.

– Ну, давай, перевоспитывай меня, – сказал Женька и больно ткнул меня кулаком в бок.

Я лишь стиснул зубы и отвернулся. Выдав еще пару тычков, новый друг успокоился. На перемене отвел его в сторону и двумя точными ударами до крови расквасил ему нос. Мы сцепились. Досталось и мне.

С перемены вернулись с опозданием – Женька с распухшим носом и в окровавленной рубашке, и я в его крови и с оторванным рукавом. Нас тут же послали за родителями. Так началась наша дружба с Женей Иоффе...

Очень скоро попал в скромную трехкомнатную квартиру друга. Он жил в военном городке авиационного училища, расположенного на Сумской улице прямо у парка Горького.

У них не было прислуги, как у всех предыдущих моих друзей. Шумная генеральша все по дому делала сама. Ну а от авиационного генерала я был в восторге с первой встречи с ним.

А вскоре, как обычно, перехватил Ленчик:

– Что, Толя, за генералов взялся? – весело спросил он.

Но по мере моего рассказа о пропускной системе военного городка его интерес к генеральской квартире угас.

– Ладно, Толя, пора тебе настоящим делом заняться. У тебя получится, – закончил разговор наш авторитет.

Именно с того разговора началась моя неравная борьба с его шайкой.

Продержавшись полгода, вынужден был сдаться. И я попал в другую школу – школу воров-карманников, в которой Ленчик был непререкаемым авторитетом...

Так я стал жить двойной жизнью: примерный ученик в школе и член воровской шайки на улице. И об этой второй стороне моей жизни я не мог рассказать никому, даже своему другу Женьке. Именно по этой причине так ни разу и не пригласил его к себе домой. Ведь там нас мог встретить кто-нибудь из братвы и заговорить со мной на «фене»...

Меж тем мы с Женькой «заболели» морем. Все началось с морского танца, который подготовили к школьному празднику. Мама Жени купила нам обоим настоящую морскую форму, которую перешили под нас в ателье училища. В форме мы оба выглядели великолепно. После успешного выступления на сцене весь праздник мы ходили в форме, ощущая на себе восторженные взгляды одноклассниц.

– А «нахимовцы» все время ходят в такой форме, – сказал вечером Женька, когда нам надо было переодеваться.

– Что за нахимовцы? – спросил его.

И Женька рассказал, как летом во время отдыха на море видел ребят в морской форме, которые учились не в школе, а в детском морском училище. Это и были нахимовцы – будущие моряки.

В отличие от Женьки, море я видел лишь в кино, но с того дня оно стало сниться чуть ни каждую ночь, совсем как наяву. А мой читательский интерес был надолго захвачен книгами о морских путешествиях, морях, юнгах и нахимовцах.

– Эх, скорей бы окончить четвертый класс, – сокрушался второклассник Женька, – Сосед сказал, в нахимовское принимают только после четвертого, – пояснил он, и мы оба тяжело вздохнули, понимая, как же долго еще ждать осуществления нашей мечты...

Летом Женька снова уехал с мамой к морю, а мы с братом в деревню. Там и познакомился с предателем Родины Федькой-полицаем. Он много рассказывал мне о войне и о своей жизни. Его необычные рассказы показались мне искренними, и я поверил ему. Но именно от него впервые узнал о существовании советских концлагерей, где издевались даже над невиновными людьми. Так летом пятьдесят четвертого года я узнал такое, что перевернуло мое детское мировоззрение. Уже тогда мне было понятно, что этой тайной нельзя делиться ни с кем, даже с родителями.

А осенью мы с Женькой стали пионерами. Вот только я, в отличие от него, вступил в пионеры понарошку, не произнеся вслух ни единого слова пионерской клятвы. Ведь я искренне считал себя недостойным быть пионером, поскольку жил уже даже не двойной, а тройной жизнью.

– Дуй в пионеры, разведчик, – смеясь, напутствовал меня Ленчик, с которым поделился своими сомнениями. Он-то считал, что в пионерском облиии воровать даже удобнее.

Тогда же я познакомился со старым большевиком, который окончательно подорвал мою веру в справедливость в нашей стране, управляемой псевдокоммунистами, отступившими от ленинских заветов.

И я жил с этой кашей в голове, пытаюсь самостоятельно разобраться с тем, что было не под силу даже взрослому человеку. Лишь твердая вера в высшую справедливость поддерживала меня, третьеклассника, в то непростое время формирования личности...

Несмотря на то, что Женьку пересадили к Игорю, мы остались друзьями. Ведь теперь нас связывала не только учеба в школе, а нечто гораздо большее – мечта о море. Мы могли говорить об этом не только на переменках, но и у него дома, где пропадали допоздна, вместе готовя уроки и читая морские книги из домашней библиотеки соседа-генерала. И теперь, когда мне не надо было перевоспитывать друга, он стал учиться заметно лучше.

А со мной посадили Таню Лановую. Сидеть за одной партой с девчонкой было непривычно, но гораздо спокойнее. Она не задиралась и не болтала на уроках, как все, кто сидели со мной до сих пор. Очень скоро Таня стала у меня «воспитательницей Тяо». Тогда мы с ребятами готовили номер, где она исполняла роль китайской воспитательницы. И еще несколько лет потом в классе ее звали не Таней, а китайским именем Тяо. Тот иероглиф ее имени я запомнил на всю жизнь, изрисовав им все ее и свои тетрадки...

А когда в нашем пионерском отряде меня избрали звеньевым, появился еще один пункт:

– Тяо, что же это получается? Звеньевой у нас я, а Лановая почему-то ты, – шутил я (ведь украинское слово «лановая» и значило «звеньевая»). Таня густо покраснела, и била меня книгой по голове, правда, не больно...

Известие о путевке в пионерлагерь «Артек» принесла генеральша:

– Ну, Толя, поздравляю. Летом поедешь в пионерлагерь. Ты у нас первый кандидат в «Артек». Теперь хоть на море побываешь, – сообщила она мне оглушительную новость.

Я не успел ничего понять, а спрашивать было некогда – прозвенел звонок на урок. Но она осталась с нами, а в класс вместе с Ольгой Дмитриевной неожиданно вошел наш пионервожатый Женя Решетников.

Он-то и рассказал классу, что для пионеров-третьеклассников нашей школы выделена одна путевка во Всесоюзный пионерский лагерь «Артек». Совет дружины рассмотрел все кандидатуры и решил, что самая достойная это отличник учебы звеньевой Зарецкий.

Даже услышав свою фамилию, все равно не мог до конца осознать, что вожатый говорит обо мне. С трудом верилось, что именно этим летом в «Артеке» может исполниться моя заветная мечта – я впервые увижу море. Живое море, а не нарисованное или снятое на пленку.

После пионервожатого выступила Ольга Дмитриевна. Она рассказала, что педсовет школы утвердил мою кандидатуру, ведь все три года учебы я был не только круглым отличником, но и помог подтянуться нескольким одноклассникам. Был старостой класса, а теперь звеньевой отряда.

Последней выступила председатель родительского комитета. Она сообщила, что родительский комитет согласен с кандидатурой и готов, учитывая тяжелое материальное положение многодетной семьи, выделить деньги на мою экипировку.

Все бросились меня поздравлять, а я чуть ни расплакался от неожиданно привалившего огромного счастья.

Дома мою новость уже знали от мамы – она была на том заседании родительского комитета. Не сказала мне ничего лишь потому, что, как и я, не могла поверить в удачу.

– Вот видишь, Сашка, зачем надо учиться. Я вот старая, а за всю жизнь так на море и не побывала. А Толику только десять, а он уже все увидит своими глазами, – воспитывала бабушка Крестная брата-первоклассника...

Все время до летних каникул я летал, как на крыльях. Мне все удавалось. Удалось, казалось, невозможное – порвать с шайкой Ленчика. Меня ловили, били, но я не сдавался. Моя совесть была чиста: я так и не совершил ни одного преступления. Даже украденные у нянечки ключи оказались бесполезными. Как мне рассказал тогда Ленчик, группа воров-домушников

смогла открыть теми ключами лишь двери не охраняемого черного хода. К новым замкам квартиры они уже не подошли.

Именно в те дни я решил, что когда вырасту, всеми силами буду бороться с псевдокоммунистами за настоящие, а не извращенные ими, ленинские идеалы. И моя совесть успокоилась окончательно...

А сколько книг я перечитал той весной о знаменитом на всю страну пионерлагере «Артек» и об артековцах, для которых летний отдых в этом лагере стал самым памятным событием в их жизни. Книжки были без картинок, но те замечательные рассказы и мое воображение создали фантастический образ некоего дворцового комплекса на берегу южного моря, где в сказочной красоте, достойной султанов и падишахов, жили юные пионеры.

Те дворцы были, разумеется, очень похожи на наш красивый харьковский Дворец пионеров, но только увеличенные во много раз – ведь лагерь был Всесоюзным. А дворцовые парки, конечно же, напоминали наш сад Шевченко с его зоопарком. Разумеется, вместо огромных дубов в тех парках росли баобабы, а вдоль широких заасфальтированных тротуаров рядами тянулись пальмовые рощи. И те экзотические деревья были просто усеяны кокосами и бананами – фруктами, которых я в ту пору не только не пробовал, но и не видел никогда, даже на картинках.

А огромные морские пляжи я представлял в виде нашего колхозного выгона для скота. Только не поросшего высохшей под солнцем бурой травой со свирепыми колючками, а сплошь засыпанного красивым красноватым песком из нашего карьера.

Видел я в своем воображении и гигантскую гору Аю-Даг, или Медведь-Гору. В нашем зоопарке как-то раз долго смотрел на этих животных, пытаюсь представить их в виде горы, покрытой каменистыми скалами, по которым пробираются пионеры. Но те медведи целыми днями стояли на задних лапах и просили угощений. А один мишка даже отдавал честь, будто он военный или милиционер. На гору была похожа лишь медведица на картине Шишкина «Утро в сосновом лесу». Вот такую гору я себе и представил.

А вот представить пионерский костер и вовсе не составило труда. Жечь костры было одним из развлечений деревенских ребят. Главное, достать спички. А уж пионерам в лагере «Артек» их наверняка выдают каждому по коробку, ведь там собираются самые сознательные школьники, одни отличники.

Ну, а море – это море. Его я представлял, как на картинах, бурным, в огромных волнах, разбивающихся о скалы Медведь-Горы...

И вот, наконец, окончился учебный год. Нам раздали табеля. У меня снова были одни пятерки. Мы перешли в четвертый класс. Начались летние каникулы.

– Тебя известят, – сказала Ольга Дмитриевна, когда спросил ее об «Артеке».

Прошел месяц каникул, а меня никто ни о чем не извещал.

Сходил в школу. Там по-прежнему никто ничего не знал. А в начале июля меня, несмотря на мои протесты, отвезли к брату в деревню.

– Если что, мы тебя сразу отсюда заберем, – пообещал отец и уехал.

Как же медленно тянулись те июль и август, а известий все не было и не было. И вот уже за нами приехала мама, и мы вернулись в Харьков. Больше ждать было нечего...

В канун первого сентября мы, как обычно, собрались в школе. Все делились воспоминаниями о летнем отдыхе. Огорченно молчал лишь я. Мне совсем не хотелось, чтобы кто-то даже спросил что-нибудь о моем несостоявшемся путешествии к морю.

– А я был в «Артеке», – неожиданно проговорился Женька.

– Ты в «Артеке»? Брось трепаться, Женька! Ты же троечник, – сказал кто-то из ребят.

– А я не треплюсь! – взвился мой друг и вдруг осекся, заметив меня.

Мельком взглянув в его испуганное лицо, сразу понял – он действительно не треплется. Слезы обиды брызнули из глаз, и я бросился подальше от этой школы, где меня так жестоко обманули. Кто-то ринулся вслед за мной, но тут же потерял из виду. Мне нетрудно было исчезнуть на этом старинном кладбище, где с детства знакомы каждый кустик, каждое деревце, каждая потайная тропка и уж тем более все его грандиозные памятники и склепы, много лет скрывавшие целую банду.

А найти меня здесь смогли бы только ребята нашего двора. Но они учились в бывшей женской школе, где, не будь отличником, должен был учиться и я...

Я лежал вниз лицом на мягкой сухой траве в ложбинке между могильными холмиками и уже не плакал. Слезы для этого горя кончились, говорила в таких случаях бабушка Крестная. Но облегчение не пришло. Чувства не спешили передавать власть разуму. И я лежал, подавленный и оглушенный.

Меня не покидало ощущение, что я вдруг потерял что-то очень важное в жизни, и это важное уже не вернуть никогда. Впервые нечто подобное ощутил три года назад, когда на моих глазах страшный взрыв разнес в клочья мою любимую воспитательницу и деревенских ребят, разложивших тот смертоносный костер под авиабомбой. Моя фотографическая память вдруг высветила ту поляну и те деревья с висевшими на их ветках обрывками одежды. И меня, с разгона упавшего в траву, споткнувшись о чью-то оторванную взрывом окровавленную руку. И тогда я лежал точно так же, ничком, и ощущение чего-то непоправимого впервые раздавило неокрепшую детскую душу. Тогда меня обманули, убеждая, что все это только приснилось. Теперь знаю точно – нет, не приснилось...

Обман и предательство – вот что сломило сейчас. Еще полчаса назад я был счастливым человеком. Пусть и огорченным несбывшейся надеждой увидеть море в «Артеке», но все же обрадованным началом последнего учебного года, который откроет нам с Женькой путь в нахимовское училище. И пусть я не попал летом в «Артек». Значит, нашли более достойного. И это справедливо. Можно огорчаться, но это не беда.

Но почему именно Женька поехал в «Артек» вместо меня?.. Этого бы никогда не случилось, если бы меня ни предали все. И первый, кто предал, это Женька. Он сделал то, что делать запахло. Ни один вор такого не сделает...

Нет, я не буду поступать с ним в нахимовское училище. Мне больше не хочется быть моряком. Мне вообще больше ничего не хочется...

А тогда зачем учиться, зачем вообще жить?..

Я не пошел в школу первого сентября, и дома не настаивали. В класс меня с трудом вернули лишь через неделю.

Я не сел на свое привычное место напротив учительского стола, а прошел в конец класса и, вытряхнув ребят, сидевших за последней партой у окна, уселся там один. Это место стало моим навсегда – на все оставшиеся семь лет учебы в этой школе. И с тех пор только я сам выбирал, кому сидеть рядом.

Мечты-мечты

Переходный возраст... Он начался у меня довольно рано, хотя трудно сказать, когда именно. Это как снег в горах – копится-копится, хлопок в ладоши, и нате вам неудержимую лавину, сметающую все на своем пути...

А пока он копился и копился тот снег... Мне кажется, первым снежком, оставившим след в душе, стал обман с поездкой в пионерлагерь «Артек», когда вместо меня, круглого отличника учебы и обладателя прочих достижений, тайно съездил заурядный троечник – мой друг Женька.

Папа-генерал и мама-председатель родительского комитета, – всего лишь эти «достижения» легко перевесили все мои.

Обман и предательство – вот что сломило меня тогда. С неделю я не ходил в школу, да и потом долго не покидало ощущение, что потерял что-то очень важное в жизни, и этого уже не вернуть никогда.

Женьку я простил – не он придумал ту подлость. Но другом его больше не считал – не может друг предать друга, даже в малости, а тут такое... И на оставшиеся полгода наши контакты ограничились лишь заурядным трепом на переменах. Да и в военный городок, где жил Женька, и где до того бывал едва ли ни ежедневно, пришел лишь, чтобы попрощаться, когда его семья навсегда уезжала в Москву. Расставаясь, он обещал сообщить новый адрес, но ни одного письма от него так и не получил...

Ну, а обижаться на море мне и в голову не приходило. Хоть и раздумал стать моряком, таинственное неведомое море любил по-прежнему. Только мечта эта ушла куда-то глубоко-глубоко и стала только моей...

И вот однажды отец вернулся из госпиталя, где в очередной раз лечили его фронтные раны, и первым делом сообщил, что ему выделили путевку в санаторий на море. Это стало событием! Целый месяц мы готовили отца к той знаменательной поездке в Крым.

Штатского костюма у отца никогда не было, и он решил ехать в форме.

– Я всю жизнь в форме. Войну прошел в форме, в госпиталях лежал в форме. Какой костюм? – возмутился он.

– Ну, в госпитале, положим, ты на улицу в пижаме выходил, а не в кальсонах, – уточнила мама.

– Пижамы нам выдавали, начиная с майоров. А эту мне сосед по палате всегда одалживал. Хороший человек. Наш, фронтовик, – пояснил отец.

– Батя, а в чем ты будешь ходить на пляж? В сапогах? – сходу обескуражил я сухопутного отца, никогда не помышлявшего о просторах южных морей.

– Вот об этом я не подумал, сынок... Задача, – честно признался он...

Увы. Жили мы тогда, как и все, от получки до получки, и сэкономленных денег едва хватило на пижаму и дешевые парусиновые тапочки. К счастью, скромный спортивный костюм удалось одолжить у соседского студента-квартиранта. У него же раздобыли выкройку, по которой мама сшила отцу сатиновые плавки на веревочках...

Я же, в свое время перечитавший гору литературы о морях и океанах, вечера напролет консультировал отца, как вести себя в штормовую погоду. Сколько же ерунды ему наговорил! И как он все это вынес, скрывая невольные усмешки в клубах табачного дыма.

– Батя, привези мне бутылку морской воды, – попросил отца в канун его отъезда. «Хоть так познакомлюсь, наконец, с живым морем», – размышлял тогда...

Как же долго тянулся тот месяц. Все нескончаемые дни, где бы я ни был: в школе, дома, или во Дворце пионеров, – мысленно находился вместе с отцом у своего любимого моря...

И вот однажды, вернувшись из школы, вдруг увидел отца, но в каком виде: на белоснежной постели в одних плавках восседал настоящий туземец!

– Батя! Вот это загар! – бросился к радостно улыбавшемуся отцу, – Рассказывай! – нетерпеливо попросил его.

– Что рассказывать, сынок? Санаторий, как санаторий – кормили хорошо и процедуры там всякие, а море оно и есть море – одна вода, да и то соленая. Держи, – подал он стоявшую на тумбочке бутылку настоящей морской воды.

– И правда, соленая! – мгновенно отведал ее на вкус.

А еще были необычные ракушки и килограммов пять красивых камушков, собранных отцом на морском берегу. И в дополнение несколько групповых фото на фоне санатория и спокойного черно-белого моря-лужицы.

– Батя, а шторм видел? – разумеется, поинтересовался я.

– Какой там шторм, сынок! За весь месяц ни одного дождя. Хоть отдохнул от своего ревматизма, – разочаровал отец. «Нет, это надо видеть самому. Бате все до лампочки. А в шторм его ревматизм замучает. Не до хорошего», – мечтательно размышлял я.

Года три подряд каждое лето отец отправлялся к морю, косвенно расширяя мои представления о полуострове Крым.

Судак, Симеиз, Гурзуф, Алушта, Ялта, – непривычные названия этих приморских городков навсегда врезались в память, со странным ощущением, что вместе с отцом там неведомым способом побывал и я.

Альбом фотографий и открыток, скромные путеводители и карты-схемы, конечно же, были исследованы вдоль и поперек. Вот только море по-прежнему оставалось непостижимой тайной. Камушки, ракушки и морская вода в бутылках из-под нарзана, – все это, разумеется, не могло передать яркий образ морских просторов, мысленно одолев которые оказываешься в сказочном мире южных стран, вот уже много лет манящих впечатлительного юношу.

Масла в огонь подлила случайно попавшаяся на глаза журнальная статья об одиночных плаваниях вокруг света. Вот это да!.. Оказывается, совсем не обязательно становиться моряком, чтобы путешествовать по морям и океанам. Да и плыть можно, куда захочешь, а ни куда прикажут капитаны. А сколько удивительных стран можно посетить за один такой поход!..

Вот только, где достать яхту, или хотя бы небольшую лодку с парусом? Разумеется, только у моря – где же еще. Ни плыть же, в самом деле, прямо из Харькова. Впрочем, а почему бы и нет. И я надолго заикнулся на разработке маршрута.

Увы, расчеты не обрадовали – пройти около тысячи километров по мелководным речушкам, чтобы только добраться до Азовского моря! И ровно столько же потом против течения! Да

только на это уйдут все каникулы, ведь этот путь придется почти полностью одолеть на веслах. Нет, в морское путешествие надо отправляться от морских берегов. Но, откуда?..

– О чем задумался? – прервал раздумья Толик Беленький, заглядывая в разложенную на столе карту, – О-о-о! Мое родное Азовское море! Ты что, тёзка, на каникулы туда собрался?

– Да куда я не собрался, – раздраженно ответил ему, – Соберешься тут, как же.

– А в чем проблема? Собрался, и в путь, – совершенно неожиданно вторгся в мои тайные замыслы наш квартирант – студент-заочник, который, вместе с Толиком Черненьким, несколько лет подряд снимал на время институтских сессий нашу маленькую комнату.

– Да нет никаких проблем... Было бы, куда. С детства мечтаю о море, а видел только в кино... Обидно... В младших классах мне за отличную учебу даже путевку в «Артек» выделили, а по ней съездил наш троичник Женька.

– Как же так?!

– Не знаю... Мне кажется, взрослые тогда сговорились, а меня просто обманули. Я бы и не узнал ничего, если бы Женька сам ни проговорился.

– Ну, Толик! Да за такое морду бьют!

– Кому? Родителям и учителям?.. А Женьке, толку-то. Он и не понял ничего – каждый год на море... Ну, отправили в «Артек» и отправили. Плохо, что ли.

– Да-а-а, Толик... Ладно, не унывай. Побываешь еще. Какие твои годы.

– Конечно, побываю, – ответил ему и принялся убирать карты, освобождая стол.

– Сынок, ты знаешь, что тут Толик Беленький сегодня предложил? – примерно через неделю спросила мама.

– Откуда? Я же его еще не видел сегодня, – удивился я.

– Оказывается, у него родители живут на Азовском море, в Жданове. А отец там работает в каком-то санатории. Вот бы, говорит, туда вашего Толика отправить... Отец поможет его устроить в санаторий, а до Жданова сам доедет – он у вас вполне самостоятельный. Ну, так ты как, сынок?

– Мамочка, да я с радостью! Вот только, где денег взять? – обрадовался и расстроился я одновременно.

Денег у нас хронически не хватало. «В долгах, как в шелках», – почти всегда говорила мама к концу месяца. Ведь работал пока один отец, а нас, хлебников, у него аж четверо: мама, да мы, с братьями. Какой там санаторий!..

– Тут оба Толика обещают заплатить за квартиру. Вот тебе и деньги. Я только боюсь, как ты один поедешь в общем вагоне.

– Да также, как в деревню!

– Сравнил. Тут всего-то двести километров, а туда аж пятьсот.

– А по времени, одно и то же – восемь часов. К тому же, в деревню поезд всегда приходит ночью, и добираться полтора километра лесом.

– Значит, поедешь? – неуверенно спросила мама.

– Конечно, поеду. Если можно, – вздохнул я.

– Ладно, сынок. Готовься. Толик сказал, ехать надо в начале августа.

От радости, не знал, что ей ответить. Неужели ровно через месяц увижу настоящее море?! Правда, месяц – срок большой, и все может случиться. Но, впервые за много лет мечта, наконец, обрела реальные очертания.

– Тебе мама уже сказала? – спросил вечером Толик Беленький.

– Сказала, готовься... Неужели, правда?

– А ты сомневаешься?.. Отец сказал, встретит, устроит, проконтролирует, если надо. Так что, готовься, тезка, – обрадовал он.

– Всегда готов! – ответил ему пионерским лозунгом.

– Ой, ли? – критически оглядел тот меня, – Да ты в полчаса сгоришь на нашем солнышке.

Что бледный такой? Лето уже, а ты.

– Только-только выпускные экзамены сдал за седьмой класс.

– Поздравляю. И много экзаменов?

– Восемь.

– Ничего себе! Тут четыре экзамена и то никак не сдам... Теперь понятно, тёзка... Давай, загорай, пока есть возможность, – посоветовал Толик.

Вдохновленный хорошими новостями, прямо с понедельника начал готовиться к путешествию на море. Первым делом отправился на речку. В центре города купаться можно было только на мелководье под мостом. Зато совсем недалеко обнаружил лодочную станцию, где давали напрокат гребные лодки.

И вот, отстояв двухчасовую очередь, получил, наконец, долгожданные весла. Бодро прыгнул в указанную распорядителем свободную лодку и едва ни оказался за бортом. Выручила хорошая реакция. Ведь в настоящей лодке я оказался впервые в жизни.

– Осторожней на лодке! Так и убится не долго! Первый раз, что ли? – поинтересовался закопченный на солнце распорядитель в морской тельняшке.

– Да нет. В этом году впервые, – соврал ему, опасаясь, что высадит.

– Ну, давай, гребь, моряк, – оттолкнул он лодку.

Грести оказалось не так-то просто, и уж тем более управлять лодкой, располагаясь в ней вперед спиной. Но, довольно скоро освоился, причем, настолько, что, когда окончилось мое время, попытался лихо причалить к пирсу. Увы, удар о причал был столь силен, что, не удержавшись, неуклюже упал «вверх тормашками», угодив спиной в небольшую лужицу на дне лодки, а заодно рассмешив всю очередь.

– Больше не приходи. Лодку не дам, – «обрадовал» распорядитель.

Дня три-четыре я и не помышлял повторить свой подвиг на воде: болела спина, да и ныло все тело, непривычное к «гребным» нагрузкам, полопались и саднили кровавые мозоли на руках, а кожа на плечах облезала клоками. Какая там тысяча километров! Хватило и одного, чтобы понять степень своей готовности к покорению водных просторов.

А Толик Беленький лишь смеялся:

– Ну, вот. Пока подготовишься, расхочешь ехать, тёзка!

– Не расхочу, – не сдавался я.

В следующий «заплыв» пригласил брата Сашку и приятеля Вовку Бегуна. Сашку – за компанию, а Вовку – чтоб тот взял лодку.

Но оказалось, распорядитель меня уже забыл – похоже, таких новичков в то лето было немало – и он без проблем выдал нам весла. Вот только грести хотели все, и вместо часа весла мне достались всего-то минут на двадцать.

Через день взяли две лодки на два часа и уплыли так далеко, что просрочили время возврата и, конечно же, нарвались на штраф. А еще через день арендовали лодку на целых пять часов и доплыли аж до водохранилища, что у Кожзавода. Оказалось, там есть своя водная станция, а песчаными пляжами и водными просторами водохранилище в тех местах вполне походит на море. Так мы открыли нашу главную базу для отдыха и тренировок на воде. Там я впервые увидел лодку под парусом и был глубоко разочарован – в безветренную погоду жалкие попытки экипажа сдвинуть тяжелую посудину с места так и не увенчались успехом. Нет, харьковское водохранилище, разумеется, далеко не море.

И вот, наконец, бесконечный трудный месяц позади. Мечтать уже поздно. Давно собран маленький чемоданчик, с которым бегал на тренировки, на руках билеты и деньги, и я вполне готов, морально и физически, к моему первому путешествию к морю.

Провожали всей семьей. Пришел даже Вовка Бегун. Сколько напутствий, сколько наставлений. А перрон все пуст. Поезд «Ленинград-Мариуполь» сильно запаздывал.

– А почему Мариуполь? Ты же говорил, в Жданов едешь, – удивленно спросил Вовка.

– Мариуполь – это древний греческий город. А Жданов – это как Жмеринка или Богодухов – ни то, ни сё, – привычно объяснил другу детства, который, похоже, там, в детстве, и остался.

– Так ты в Грецию едешь?! – неожиданно поразился тот.

– В древнюю, – с серьезным видом ответил ему.

– Ну, Толик! Счастливчик! – восторженно посмотрел на меня Вовка.

Подождал поезд. Хорошо, с моим лилипутским чемоданчиком в вагон попал одним из первых и без труда нашел свободное место у окошка. Через минуту присесть в общем вагоне уже было негде. Впечатление, что все устремились на юг. Впрочем, чему удивляться – начало августа.

И вот поезд тронулся. Отстали бежавшие за вагоном провожающие. Путешествие началось.

– Столько народу тебя провожало! В гости ездил? – спросила женщина, ехавшая с маленькой девочкой, сидевшей за столиком напротив меня.

– Нет, только еду.

– Далеко?

– В Мариуполь.

– Ну, слава богу! А то от Ленинграда до Харькова на этом самом месте уже человек восемь прокатилось. Как заколдованное.

– Ничего, расколдую, – пообещал ей.

– Правда? – неожиданно оживилась девочка, – Ты волшебник?

– Сказочник, – ответил ей.

– Ой, мамочка! – обрадовалась малышка, – С нами в поезде сказочник едет! Расскажи сказку... Пожалуйста, – тут же попросила она.

Уже через час мы стали добрыми друзьями. За разговорами незаметно прошел день и накатила вечер. Стемнело, а поезд все еще неспешно двигался к цели, так и не наверстав упущенное время. Уставшая за день девочка уснула прямо за столиком.

– Любят тебя детишки. Вон моя как прилипла, – отметила попутчица, – А тебя будут встречать?

– Нет. Даже не знаю, как доберусь ночью. Я в Жданове еще не был ни разу.

– А тебе куда надо? – спросила она. Назвал адрес санатория, – Ну, это совсем рядом с морским портом. Нам гораздо дальше. Придется такси брать... Вместе и поедем. Доведем прямо до места, – сходу решила та мою проблему.

Почти в полночь мы, наконец, вышли на перрон станции «Мариуполь».

«Греция», – мысленно усмехнулся, вспомнив Вовкиного «счастливчика». Несмотря на позднее время, довольно жарко. Ощущение духоты усиливалось скученностью людского потока и тяжестью доверенного мне груза: рюкзака, чемодана и огромной сумки. Мой чемоданчик и спящую девочку несла попутчица. К тому же, очень хотелось пить, есть и спать одновременно.

Но вот окружавшая нас толпа пассажиров поезда и встречающих рассеялась, и мы оказались в хвосте небольшой очереди на такси, а уже через полчаса стремительно неслись по темным улочкам ночного Жданова.

– Вон ворота твоего санатория, – рукой указал мне таксист и остановил машину.

Моя маленькая подружка так и не проснулась. Поблагодарив ее маму, попрощался и вышел в непривычно темную ночь приморского города.

И вот где-то вдали растаяли габаритные огни умчавшейся машины, разорвав последнюю связь с долгой дорогой из дома. Я на месте, вот только спрашивается, где это место... Перейдя шоссе, подошел к настезь распахнутым ажурным воротам, гостеприимно приглашающим войти и подняться куда-то вверх по широким ступеням бесконечной лестницы. Одолев половину, оглянулся – чернильная мгла в полнеба, и лишь справа, откуда приехал, раскинулось многоцветие огоньков морского порта. Вот оно, невидимое море, прямо передо мной, и я впервые на его берегу!.. Я чувствую твое присутствие, настоящее живое море! Ну, здравствуй!..

Преодолев последний лестничный марш, обнаружил тусклый огонек, освещавший единственный вход в длинное трехэтажное здание, фасадом обращенное к морю. Стеклопакеты оказались запертыми, а за ними ничего не проглядывалось. Вывески не было, но почему-то подумал, что это и есть мой санаторий.

Покрутившись у дверей, обнаружил несколько садовых скамеек, уютно размещившихся под низкими кронами густых деревьев. Присев на одну из них, не заметил, как уснул.

Проснулся от стука и истошных криков:

– Шляются тут по ночам! Спать не дают! Распорядок нарушают! Вот напишу на вас! – сердито выговаривала пожилая женщина в белом халате, отчаянно гремевшая неподдающейся стеклянной дверью.

– Да мы случайно попали на двухсерийный сеанс. Вот только кончился, – негромко оправдывалась скромная молодая парочка, – Вы уж нас простите за беспокойство. Не пишите, пожалуйста, – уговаривали они цербера.

«Концлагерь какой-то, а ни санаторий», – подхватился я с лавочки и спешно направился к людям, пока они ни исчезли за непроницаемой дверью.

– Еще один! – заметив меня, сходу переключилась сердитая тетка, – А ты из какой комнаты?

– Я не из комнаты, а с ленинградского поезда. Только что приехал.

– Давай путевку, – смягчилась дежурная.

– Я не к вам, а к Стаскевичам. Может, подскажете, как их найти?

– А ты кем им приходишься?.. Что встали? Идите уже! – пропустила парочку любопытная тетка.

– Троюродным дедом, – вызвал я взрыв смеха не успевшей уйти парочки.

– Шутки шутишь? Молодой еще со мной шутить! – обиделась привратница, – Вот не подкажу, и будешь куковать на лавочке до утра.

– Да лучше на лавочке, чем в вашем концлагере, – снова рассмешил я молодежь.

– Иди вон по той дорожке, не сворачивай. Прямо в них упруешься... Ишь, что придумал. Концлагерь... Нечего по ночам шляться, дедушка, – под занавес рассмешила всех дежурная.

– Спасибо! Спокойной ночи! – крикнул всем разом и отправился в указанном направлении.

И снова чернильная мгла. Ощущая утоптанную дорожку лишь ногами, медленно двинулся к цели. Десять минут ходьбы, и показался маячок – свет электрической лампочки. Еще минут пять, и я оказался у жилых построек, наполовину скрытых плотной живой изгородью. Отыскав калитку, услышал грозное рычание «охранника», уже поджидавшего меня с той стороны.

– Кто здесь?! – вдруг громко спросил кто-то невидимый.

– Стаскевичи здесь живут?! – уточнил я на всякий случай.

– Здесь-здесь! Заходи, Толик!

– А собака?!

– Заходи! Она не тронет!

Войдя в калитку, обомлел: дружелюбно помахивая хвостом, меня принялся обнюхивать громадный волкодав.

– Место, Серёжа! Дай людыни пройти! – скомандовал псу крупный мужчина, сидевший в одних плавках на койке, стоявшей посреди двора.

Обиженно вякнув, волкодав Серёжа неспешно направился к своей будке.

– Ну, как доехал? – поднялся с койки отец Толика Беленького.

– Да вот, поезд часа на два опоздал. Здравствуйте, Василий Георгиевич. Простите за беспокойство.

– Здорово, сынку. Та какое там беспокойство. Йисты хочешь, чи як?

– Чи як... Спать хочу, – соврал ему, не желая беспокоить хозяев.

– Тоди ходь до хаты. Там усэ готово. Лягай до утра. А я тут люблю, на двори, з Серёжою, – мгновенно улегся он на свое ложе...

Проснулся от истерических криков голосистого петуха. В комнате уже было светло, и я огляделся. Типичная украинская хатка, как у бабушки в деревне. Хотелось спать, но еще больше есть. Оделся и вышел на двор.

На месте койки уже стоял накрытый стол, а рядом у летней печки суежилась хозяйка – мама Толика Беленького. Глухо буркнул и поднялся у своей будки Серёжа, поглядывая то на меня, то на хозяйку.

– Свои, Серёжа! – успокоила та пса, – Доброе утро, Толик. Умойся там и давай за стол. Мабуть йисты хочешь.

– Доброе утро, Галина Матвеевна... А почему он Серёжа? – кивнул в сторону волкодава.

– Та так... Серёжа и Серёжа... Ни Бобиком же звать таку гарну псину... Вумный!.. Як наш булгахтер Серёжа... Ну, йды, умывайся, сынку, – отправила она меня...

Появился хозяин, и всех тут же пригласили за стол, а после плотного завтрака пошли расспросы. Родителей, конечно же, интересовали дела сына, и я часа два отвечал на их вопросы обо всем на свете.

– Ладно, мать, мы пошли, – поднялся, наконец, из-за стола хозяин, – Заходи к нам, Толик, не забывай стариков, – пригласил он меня на будущее.

Я сходил в хату за чемоданчиком, и мы отправились в санаторий. Днем дорога показалась уже не столь необычной – чахлые деревца с пожухлой листвой, мелкий кустарник с мелкими листочками, полусухая трава в колючках, – словом, всё, как и всюду в степных районах Украины. Ни пальм тебе, ни зарослей бамбука. В общем, морем в моем представлении здесь и не пахло...

То ли мы пошли другой дорогой, то ли к другому санаторию, но вдруг вышли из парковых зарослей на открытое возвышенное место.

– А вот и море, – остановился Василий Георгиевич и широко развел руки, словно захотел разом обнять весь этот огромный мир.

Я взглянул и задохнулся от восторга – передо мной, до самого горизонта расстилалось нечто, доселе невиданное... Море!..

Слова пришли лишь через много лет. Но, сочиняя стихи о лете, я всегда видел перед собой именно ту картину, которую тогда, тем памятным утром, увидел впервые:

Волны синего моря
Мне сегодня приснились.
О могучие скалы
Они с шумом дробились.

Серебристым потоком
Брызги к небу взлетали.
Отражалось в них солнце
И лазурные дали.

Те безбрежные дали,
Где незримой чертою
Небо словно сливалось
С голубою волною.

Там, за синим простором,
В море солнца и света,
Неизвестные страны —
Страны вечного лета.

Мариуполь

«Безмолвное море, лазурное море, стою очарован над бездной твоей. Ты живо, ты дышишь», – вдруг всплыли в памяти строки, как нельзя кстати, подходящие моменту. Жаль, забыл и автора, и продолжение. Завороженный, я застыл, как сомнамбула, на вершине холма санаторского парка. Надо мною бездонное небо, а впереди – такая же голубизна, вплоть до самого горизонта, где, казалось, высокий небосвод утонул в морской пучине, а та невероятным образом вздыбилась до самых небес. Ощущение, что стою на краю «земной тверди», плывущей неведомо куда по безбрежному «морю-окияну» на трех библейских «черепашках»...

«Чайка крыльями машет, за собой нас зовёт», – звонким мальчишеским голосом запела ошалевшая от радости душа... Вот только чаек отсюда не видать – далековато...

«Белеет парус одинокий в тумане моря голубом...» А это уже послание через века от любимого поэта Лермонтова... Увы, туман моря голубого чист аж до самого горизонта – на всей акватории ни суденышка, ни скромной лодки рыбака...

«Простор голубой, земля за кормой, гордо реет над нами флаг Отчизны родной», – прозвучал, конечно же, и мой любимый «Марш нахимовцев». Вот он, простор голубой! Я вижу его наяву, а ни годами представляю лишь мысленно! А вся Земля – это мой корабль... Я – рулевой, Великий Мореплаватель, устремивший его в бесконечные просторы Вселенной...

– Толя! Ты шо, уснул? – вернул в реальность Василий Георгиевич, – Чи ты моря никола нэ бачив?

– Чи ни, – только и ответил ему.

– Пойдем, Толя!.. Побачишь ще. Никуды воно нэ динэться, а я на работу опоздаю, – окончательно развеял волшебные чары отец Толика Беленького.

Вздыхнув, огляделся. Запомнить бы это местечко, чтобы приходить сюда хоть изредка.

– Ладно, пошли, – согласился с ним, и петляющая тропинка повела нас куда-то круто вниз в густую чащобу невероятно колючего кустарника.

– Обэрэжно, Толя, нэ зачэпись, – предупредил провожатый. Вовремя предупредил – уже черкнул рукой, хорошо хоть неглубоко.

Попетляв минут десять, вышли, наконец, к санаторному корпусу. Тот ли это корпус, куда попал ночью, или нет, так и не понял. В свете дня все выглядело иначе и не столь таинственно.

Мы прошли в кабинет администратора.

– Давайте ваш паспорт, – попросила дама в белом, как у врача, халате.

– Нет у меня паспорта, – ответил ей.

– Забыли?! Как же так? Ехали в другой город и без документов?

– У меня его вообще нет. Я еще школьник.

– Школьник?.. Георгич, а как же я его оформлю? – растерялась дама-администратор.

– А ты запиши моим сыном. Его тэж Толиком зовут, – предложил отец Толика Беленького.

– Все одно, нужен документ.

– Ну, ладно, принесу его метрику, якщо найду.

– Та зачем она мне? Он же у тебя взрослый, у него паспорт должен быть, а не метрика.

– Нэма в нього паспорту. Вин же военный.

– Та знаю... Шо будем делать, Георгич?

– Тоди запиши, шо вин мий младший, и тэж Толик. Тилькы незаконный. Из Харькова, – неожиданно выдал Василий Георгиевич.

– Незаконный? – удивленно спросила дама-администратор.

– Ну, да. Был грешок, – твердо ответил тот, добродушно хлопнув меня по спине.

– Ладно, Георгич, шо з тобою робыты... Так и запишу, харьковский сынок нашего Дон Жуана из Мариуполя, – рассмеялась дама-администратор.

Так я стал Толиком Стаскевичем из Харькова – младшим сыном Василия Георгиевича.

– Ну, прощевай, сынку. Мне на работу пора, – пожал он руку и вышел из кабинета.

Меня вписали в множество каких-то журналов и, наконец, повели на третий этаж, где показали чудесную комнату. Там я расстался со своим чемоданчиком, и мы направились в столовую. Утомленный обильным угощением у Стаскевичей, от завтрака отказался и лишь издали познакомился со столом, где будет мое постоянное место.

– Перед обедом зайди к врачу. Не забудь, – закончила инструктаж дама-администратор.

– Зачем? Я не болен, – ответил ей.

– Так положено!.. Раз уж попался, Стаскевич младший, живи по нашим законам, незаконное дитя, – насмешливо хихикнула она...

Вернулся в комнату. Раздвинув шторы, обнаружил дверь на широкую лоджию. Какая красотища!.. Балконы были только у моих друзей, а от нашего балкончика в маленьком домике дореволюционной постройки давно остались только две балки-рельсины и заложённая кирпичом дверь...

С лоджии виднелся лишь небольшой клочок моря с множеством кранов на берегу. «Морской порт», – догадался я. Прямо у корпуса – асфальтированная площадка, от которой волнами поднимался горячий воздух. Вдоль площадки – садовые скамейки, приютившиеся под кронами высоченных акаций, образующих тень, но скрывающих море. Жарко...

Глянув на часы, понял, что до визита к врачу успею сходить на море. Оставив в чемоданчике лишь полотенце и плавки, с необъяснимым трепетом отправился на первое свидание с безответной любовью детства и юности...

– Ключи оставь! – остановил уже знакомый вахтенный цербер, – А-а-а, это ты, дедушка?! А говорил, к Стаскевичам, – узнала она меня.

– Я и есть Стаскевич! Его младший незаконный сын.

– Та ты шо!.. То дедушка, то сын. Не крути, хлопец. Я его сына знаю. Выкладывай все, как есть, – вскочила она со стула и шустро направилась ко мне. Глядишь, еще не выпустит.

– Спросите у администратора, а я пошел – некогда мне тут с вами лясы точить, – сделал ручкой тетке, изнемогавшей от праздного любопытства.

– Ишь ты какой! Я еще ночью поняла, что ты не простой хлопец. Ишь, дедушка он незаконнорожденный... Ключи не дам, пока все ни расскажешь! – услышал ее голос уже в дверном проеме.

«Точно концлагерь. Вот и на допрос чуть ни попал», – подумал, направляясь к знакомой лестнице...

И вот я на площадке, откуда впервые поприветствовал невидимое в темноте море. Теперь вижу... Вот только отсюда оно не небесно-голубое, каким виделось с холма, а изумрудно-зеленое, поблескивающее на солнце мелкой рябью своих волн. Оно – хамелеон, имеющий в запасе великое множество лиц и открывающий свою неповторимую красу постепенно и не всякому-якому, а лишь обожающему его беззаветно...

А вот и знакомые ажурные ворота, шоссе, однополое железной дороги и скромная набережная, еще хуже, чем у харьковской Лопани, где загорал, готовясь к этой поездке. Да и море отсюда какое-то серенькое, как обе наши речушки. А пляж – вообще смехотура. Полоска грязного песка, шириной метров пять, сплошь усеянная загорающими, скрытыми от посторонних взоров бетонной стеной набережной.

Но море обиженно шумело, мерно накатываясь на берег, и я простил ему береговую неустроенность. Здесь делать нечего, и я пошел вдоль набережной к каким-то синим будочкам, видневшимся вдали.

Минут через пятнадцать вошел на огороженную территорию чудесного пляжика с желтым песочком, кабинками для переодевания и грибками от солнца. Вот только от обилия отдыхающей публики некуда было деться.

Приглядевшись, обнаружил, что преобладают женщины и дети разных возрастов. Отметив несколько ровесников, успокоился. Лишь у самой кромки прибоя нашел подходящее место, бросил чемоданчик и разделся.

Теперь только вперед! Разогнавшись, сходу нырнул в свободное от людей пространство и тут же уперся руками в дно. Вынырнув, встал. Воды – чуть выше колен, но она соленая, морская! К тому же теплая, как парное молоко... Да тут можно плавать руками по дну, как в детской колдыбане, если бы ни какие-никакие волны. Они подхватывали на мгновение и вновь опускали на место. А стоило опустить лицо в воду, и волна накрывала с головой. Отметив, что в волнах легче плавать, двинулся к буйкам, ограждавшим доступное простым смертным водное пространство. Лишь у буйков глубина оказалась чуть выше пояса. Немного поплавав вдоль буйков, вышел на берег.

– Это что, все море здесь такое мелкое? – разочарованно спросил у соседки с маленьким ребенком, загорающим под зонтиком.

– Ну, да. Азовское море вообще мелкое, а здесь детский пляж, – открыла она мне Америку.

– Детский?!

– Детский. До пятнадцати лет.

– Ну, слава богу, уложился!.. А вам тоже до? – рассмешил ее.

– Я с ним, – показала она на малыша, – С ним меня пускают... А тебе лучше к порту пойти. Там глубоко. А нам туда еще рановато, – улыбнулась она.

– Да там пляж какой-то убогий, и весь забит.

– Ну, да. Места лучше с утра занимать, а то эти отдыхающие, – обреченно махнула она, – А ты что, к кому-то приехал? Я смотрю, загар не наш.

– Приехал из Харькова.

- Смотри, сгоришь. Рубашку одень, – посоветовала соседка.
- Не сгорю, – самонадеянно возразил ей.

Но, искупнувшись еще разок, вдруг почувствовал признаки солнечных ожогов. Вот это да! Обсохнув, оделся и, попрощавшись с соседкой, отправился на врачебный осмотр...

- Новенький? – спросила врач.
- Нет, Стаскевич, – пошутил я.
- А-а-а! Это ты родственник нашего Жору?
- Не знаю я никакого вашего Жору.
- Ну, Георгия Васильича.
- Ему, да, – не стал я пикироваться, решив, что «от перестановки мест...»
- И кем же ты ему приходишься?
- Внуком.
- Как это?! Его же Толик еще не женат.
- Ну, и что. Я незаконнорожденный.
- Как это?! Он же старше тебя всего лет на десять.
- На двенадцать. И что такого?
- Путаешь ты что-то, хлопче! Раздевайся!
- Совсем?
- Не умничай!.. О! Уже сгорел! Щиплет?
- Да нет. Я уже пол-лета загорал.
- Да хоть всё! У нас всё одно сгоришь. В общем, два дня без моря. Понял? Я проверю!
- Понял, – ответил врачу, зная, что уже завтра, конечно же, отправлюсь на пляж. Быть

у моря без моря! Бред!

Ну, а что делать сегодня? Ведь уже по дороге в столовую солнце обожгло даже через рубашку с длинными рукавами...

В обед познакомился с однокашниками моего стола. Две молодящиеся старушки лет пятидесяти и такой же старичок-бодрячок. Меня восприняли на «ура», и все втроем дружно взяли надо мной шефство.

- Чем тут заниматься, если на море нельзя? – сходу спросил шефов.
- Вечером фильмы показывают. Телевизор можно посмотреть, в бильярд поиграть, – просветил шеф.
- Танцы, – смущенно опустив глазки, с придыханием добавили шефини.
- Библиотека есть, но хороших книг мало или на руках, – добавил шеф.
- Это вечером. А днем?
- После обеда «мертвый час». А вообще, можно в город съездить, – сказала одна из шефинь.

- А мертвый час обязательно?
- Конечно. Это же санаторий. Не выпустят, пока время ни кончится.
- Концлагерь натуральный! – снова от души возмутился я.

Странные люди эти взрослые. Телевизор посмотреть, в бильярд поиграть, почитать, а для теток – непременно танцы. Тут целое море под боком, а им в город съездить.

- А морские путешествия здесь бывают? – спросил шефа.
- Не знаю, – ответил тот, – Говорили, будет экскурсия на «Азов-сталь» и в какие-то музеи Жданова, а вот о морских прогулках – ничего.
- Жаль. А сбежать с «мертвого часа» можно?
- И не пытайся, Толик. За нарушение режима могут из санатория турнуть. Зачем это тебе?

«Все равно сбегу. Не заметят», – решил я.

Но, вернувшись с обеда в комнату, неожиданно для себя, завалился спать. Даже в детстве никогда не спал днем. А тут. «Похоже, море сморило», – подумал, засыпая.

Проснулся часа через три. Вот это поспал!

Спустился в холл. Какой-то старичок изумительно играл на пианино.

– Что это вы играете? Да еще без нот, – удивился я.

– Да так, все подряд. А ноты, молодой человек, у меня здесь, – тронул он голову, – Намечаю программу, то есть, что хочу исполнить за вечер, и играю.

«Как радио», – отметил я, и все слушал и слушал его неотрывно, до самого ужина.

После ужина переместился в биллиардную. Скучно. Но вахту отстоял до самого отбоя. Что ж, первый день позади. Осталось семнадцать...

Прямо с утра съездил в город. Не Харьков, конечно, но жить можно – вполне приличное местечко, да и море рядом, хоть и мелкое. А поехал, потому что, складывая вещи в шкафчик, обнаружил кем-то забытую маску для подводного плавания. Не было только трубки. У местных узнал, что купить ее можно и на пляже, но только втридорога. Узнал и адрес магазина туристических принадлежностей.

Вернувшись, обнаружил свалку вещей и смятую вторую койку. Похоже, кого-то подседали. После обеда и познакомились.

Виктор прилетел сюда аж с Сахалина – родители отправили на море по профсоюзной путевке.

– Так у вас же целый океан под боком, – удивленно напомнил ему.

– Ну, не совсем под боком, да и купаться холодно. Холодное течение не дает. А тут бесплатная путевка на материк и самолет за полцены. Грех не воспользоваться, тем более, мы с отцом вместе работаем.

– Ты работаешь?! А я думал школьник.

– Да ты что, Толик! Я школу в прошлом году окончил. В институт два раза поступал, мимо, – удивил он. А я-то его принял за ровесника.

После мертвого часа вдвоем отправились на море, в сторону порта. Там было чуть получше, чем напротив лестницы, да и море, конечно же, глубже, чем на детском пляже. Первым делом опробовал снаряжение. Видимость в мутной воде не ахти, зато плавать в маске оказалось гораздо удобнее. Теперь на воде мог держаться часами, причем, ничуть ни напрягаясь. Несколько раз намеренно заплывал за буйки, а заметив спасательный катер, успевал вернуться. Ласты бы, но на них денег не хватило.

Вечером, отправив Виктора в биллиардную, снова слушал пианиста...

И полетели-помчались дни-близнецы. К жаре быстро привык, солнце уже не беспокоило, а в теплом море мог находиться часами, плавая вдоль берега в зоне буйков.

Вечера не тяготили. Прямо под окнами были танцы под хорошую музыку. Взрослые обитатели санатория меня не интересовали, как и их танцы. Но музыку слушал с удовольствием. Первое время Виктор приглашал за кампанию, но я только смеялся:

– С кем танцевать? С тетками и старушками. Да я с девочками на школьных вечерах не танцевал.

– Ну, и напрасно, Толик. Здесь есть такие симпатичные тетки... Ну, ты, как хочешь, а я пошел, – объявлял он и уходил вниз, а я, устроившись на лоджии, наслаждался теплым вечером и наблюдал за его похождениями.

Удивляло, что молодой парень тянулся к взрослым теткам и приглашал только их, игнорируя девушек своего возраста. Когда спросил, тот лишь рассмеялся:

– Чудак ты, Толик. Тетку уговаривать не надо. Или сразу даст, или от ворот поворот. И жениться не надо, если что.

– А почему уговаривать? Пригласил, и танцуй, – развеселил я молодого ловеласа.

– Ну, Толик. Танцы – это так. Самое интересное потом.

– Что потом?

– Да, все!.. Ты что, никогда с девочками не пробовал?

– Пробовал... В детском садике, – соврал ему про детский садик, в котором никогда не был.

– А в яслях ни пробовал? – рассмеялся Виктор.

– Нет, – обиделся я и отвернулся, неожиданно ощутив, как лихорадочно забилось сердце и предательски напрягся и запульсировал хвостик, – Так вы что, по-настоящему? – покраснев, спросил его.

– Нет, как в детском садике! – окончательно развеселился он.

– И где же вы этим занимаетесь? – одолевая стыд, спросил его.

– В кустиках. Где же еще... А ты говоришь, танцы чепуха... Слушай! Идея! Давай, я завтра одну даму приведу сюда?

– Приводи... А мне можно? – решился я.

– Да ты что, Толик!.. Ты потанцуй, или у моря погуляй... Желательно до самого отбоя.

– Да я не о том. Я в принципе.

– А-а-а! Зацепило!.. Конечно, можно!.. Найди тетку и давай. Только не говори, что школьник. Придумай что-нибудь.

– А как я ее найду?

– Да она сама тебя найдет. Они для этого сюда и ездят!

– Да ты что?!

– Вот тебе и что. Не все, конечно. Но, некоторые точно!.. И молоденьких, как мы, любят, а ни своих ровесников. Особенно тех, кто в первый раз. Обожают учить. В прошлом году штук десять перепробовал, и всем говорил, что впервые... Так что, давай, не теряйся.

– Я не смогу. Стыдно, – разочарованно махнул рукой.

– Ладно, Толик. Найду тебе тетку. А завтра погуляй у моря. Договорились?

– Договорились.

На следующий день, едва начались танцы, отправился к морю. Как ни странно, любителей вечернего купания хватало. Да и у моря было прохладней, чем на площадке у санатория. А какие потрясающие закаты продемонстрировала в тот вечер природа! В городе таких не увидишь.

Но я ждал зрелища необычного – хотелось хоть одним глазком взглянуть на «лунную дорожку», о которой немало прочел еще в детстве. Но луну скрывали тучки, а потом она сама пропала. Словом, лунная дорожка так и осталась где-то в стороне.

А в номере ждал возбужденный Виктор:

– Ну, Толик, нашел тебе тетку. Завтра познакомлю.

– Где?

– На танцах, конечно.

– Да я танцевать не умею.

– Научит. Всему научит... Знаешь, как обрадовалась, когда узнала, что ты целка.

– Я целка? – невольно рассмеялся истерическим смехом.

– А кто же еще! Ты думаешь, так только девочек называют?.. Ладно, завтра она тебя мужиком сделает, – обрадовал он.

– Она хоть симпатичная?

– Да какая тебе разница! Там у них все одинаково... Ничего. Не крокодил... Не понравится, найду другую. Ладно, давай спать, а то я так накувыркался сегодня, – отвернулся он к стенке и мгновенно захрапел.

Мне же не спалось. Все случится уже завтра. Завтра впервые попробую с настоящей женщиной, с которой можно все. Вспомнил больших девочек, для которых был живой куклой, и не мог им ответить, когда трепали меня, как хотели, потому что кукла. Пожалуй, они сейчас такие же, как та неведомая тетка, возжелавшая сделать меня мужчиной. И для нее я буду такой же куклой, потому что целка. Вспомнил и совсем юных, которые лишь показывали и давали потрогать и только очень-очень осторожно приложить хвостик. Засыпая, увидел и прошлогодних Нинку с Верочкой, с которыми было почти по-настоящему, хотя в итоге обе остались девочками...

Всю ночь снились кошмары – черно-белые снимки из толстенной книги «Акушерство», тайком позаимствованной у снимавших квартиру студентов-заочников медицинского вуза. Люди с фото внезапно оживали, вытаскивали торчащих между ног младенцев и тут же предлагали попробовать влезть на их место.

– Да как я туда помещусь? – с ужасом прикинул я.

– Девочки говорят, как хвостик проскочит, любой влезет, даже взрослый дядька. Там растягивается, как резина, – голосом Нинки сообщила какая-то тетка, растопыренная на гинекологическом кресле, – Лезь, Толик, не бойся, а то останешься целкой, как твой Виктор.

– А он, что?

– Испугался... Лезь скорей... Вылезешь, дам сиськи потрогать. Вон они какие выросли... Я вижу, ты меня не помнишь, Толик? Или не узнал?

– Не узнал.

– Я же Верочка!

– Да ты что! Не может быть!

– Может, Толик. Девочки растут быстрее мальчиков и стареют быстрее. Ты вот еще мальчик, а я уже тетка. Лезь! – сердито захрапела она и широко растопырила дырку огромными щипцами. В ужасе проснулся. Рядом громко храпел соблазнитель Виктор...

К утру почувствовал себя разбитым, как никогда. Ощущения, как в канун болезни.

– Ну, что, Толик, готов потерять невинность? – насмешливым тоном спросил на редкость бодрый приятель.

– Слушай, Витя, а ты меня ни разыгрываешь? Может, ты выдумал все?

– Что значит, разыгрываешь?... Не понял!

– Что тут понимать. Предложу тетке, а она мне пощечину влепит за такое предложение. А ты скажешь, пошутил.

– Ну, Толик, ты и фантазер!.. Ладно, предупрежу тетку. Сама предложит, – обиделся Виктор, – Ладно, умывайся и пошли на завтрак.

Как же медленно тянулся день! Хорошо, немного поспал на пляже. Вот только чувствовал себя, как невеста перед брачной ночью. Ее-то хоть можно понять – страшно. А мне, с чего бы переживать? Ну, суну незнакомой тетке, а если что не так, подскажет. Стыдно, конечно, но она знает, что целка, хотя это и не совсем правда. Поразмыслив, неожиданно успокоился. Будь, что будет. Какие ко мне претензии? У меня и паспорта нет...

– Ну, что, пошли? – поднялся, наконец, Виктор, приглашая на танцы.

– Пошли, – обреченно ответил ему.

– Не дрейфь, Толян. Вечером посмеемся, – хлопнул по плечу приятель...

На площадке Виктор куда-то исчез и вскоре вернулся с двумя тетками. Одну уже видел с ним, правда, с лоджии третьего этажа.

– Знакомьтесь. Толик, – представил он меня.

– Фаина, – первой протянула руку незнакомка – статная шатенка плотного телосложения. «Она», – уже не сомневался я. На вторую даже не обратил внимания, и парочка почти мгновенно испарилась.

– Потанцуем, или как? – улыбнулась Фаина. «Вроде бы не страшенькая», – незаметно пригляделся к потенциальной партнерше.

– Или как... Танцевать не умею, а позориться не хочу, – ответил ей.

– Тогда пошли к морю, – предложила она и взяла под руку.

– Пошли, – согласился с ней.

Не заметил, как перешли на «ты». Не удивляло, когда так обращались ко мне, но с дамой подобным образом разговаривал впервые. И едва установились неформальные отношения, меня понесло. С серьезным видом я излагал ей какую-то галиматью, словно девочке-ровеснице, а она, взрослый человек, непрерывно смеялась, как ребенок.

Не спеша, прошлись по набережной, полюбовались закатом. Что еще? «Похоже, это все», – подумал, взглянув на часы, и, как оказалось, ошибся.

– А ты забавный мальчишка, – улыбнулась Фаина, – Девочкам такие нравятся. Неужели ни с одной не пробовал? – начала она главный для меня разговор.

– Пробовал разок в детском садике, когда малыши показывали друг другу, – соврал ей, как и Виктору.

– Давненько. Малыши уже вырасти успели... Что ж, танцевать ты не захотел. А попробовать хочешь? – решительно спросила дама.

– А можно? – от неожиданности вылетело у меня.

– Нужно, – ответила Фаина, – Ладно, дам тебе, противный мальчишка. Иди в свой номер, дверь не закрывай, а я подойду следом, – проинструктировала она. Все. Процесс пошел...

В номер влетел, едва сдерживая эмоции. Вылетел на лоджию. Внизу гремела музыка и бодро танцевали пары. Увидел и Виктора с подружкой. Невольно рассмеялся: «Сегодня вам придется в кустиках».

Быстро разобрал койку, и тут вошла Фаина. Застучало, как в лихорадке, сердце, а хвостик на глазах предательски обратился в колышек, который уже не сдержать никакими брюками, тем более, спортивными.

– Мальчик готов, – заметив, одобрительно хохотнула дама и заперла дверь на ключ, – Скрипеть будем? – глянув на раскрытую постель, улыбнулась она.

– А есть варианты?

– Сними постель на пол – удобней и никакого скрипа, – предложила опытная партнерша и, пока переключивал матрас и стелил ложе, скинула платье. «Толстушка», – отметил я, с интересом разглядывая женщину в обычном белье, а ни в купальном костюме, – «Ходили бы так по пляжу», – мелькнула дурацкая мысль.

– Выключи свет и раздевайся, – поступила следующая команда, выполненная мгновенно. Но в кромешной тьме вдруг потерялся, – Иди ко мне, мальчик, – услышал шепот откуда-то снизу. «Уже лежит», – сообразил я, осторожно опустился на колени и наощупь устремился к долгожданной цели —готовой к соитию женщине.

– Стой, мальчик... Какой шустрый... Делай, что скажу, и не торопись, – таинственным голосом прошептала она, а я от дикого возбуждения уже ничего не соображал. Лишь почувствовал, как ее рука захватила торчащий колышек и потянула вперед-вниз. Конечно же, поддался, как когда-то с большой девочкой, и, как тогда, сразу ощутил касание к чему-то мокрому, теперь, правда, немного представляя, к чему, – Толкай, – едва расслышал команду и одним дви-

жением легко скользнул вглубь желанного женского тела, до самого упора. Помедлив секунду, надавил еще – а вдруг так надо. Но женщина неожиданно дернулась:

– Хватит, мальчик!.. Ты что, весь решил туда влезть?.. Теперь води туда-сюда. Можно быстро, но не обязательно так глубоко.

«Як лягну, штовхай сам», – вдруг всплыло нечто подобное из детства, и я впервые воспринял и выполнил это с удовольствием...

– Хорош... Кончила, – неожиданно остановила Фаина.

– Что кончила? – откровенно удивился, так и не ощутив никакой «приятности», как и тогда, с большой девочкой.

– Ну, испытала удовольствие. Думала, не успеешь коснуться, кончишь. А ты разве нет?

– Нет, – ничего не понимая, ответил ей.

– Ладно, полежим немножко. Отойду, тогда можно еще разик.

Улегся рядом и попытался, было, обнять даму – уж очень захотелось потрогать ее выпуклости. Солидные, не то, что у девчонок.

– Не надо, Толик, жарко, – возразила она. Неужели опять сделал что-то не так? Странно. Впрочем, все правильно. Я – кукла. Может, поэтому и не испытал ничего от первой близости. Зачем кукле какие-то чувства. «Води туда-сюда. Можно быстро, но не обязательно глубоко», – вспомнил нехитрую инструкцию. Нет, с кукольными мыслями ничего не выйдет...

Минут через десять полной тишины, наконец, услышал:

– Давай, мальчик, лезь, – и все повторилось, как впервые, – Все. Кончила... Включи ночничок, мужчина, – попросила партнерша.

Когда вспыхнул свет, увидел, что она уже стоит у стола в трусиках и лифчике.

– Поцелуй меня, – неожиданно попросила дама. Удалось мне, как ей хотелось, или нет, не знаю, но вдруг почувствовал, что напряжение стремительно перерастает в боль, как это было, когда не получилось с Нинкой.

– Может, еще разок? – предложил Фаине, решив, что не остановлюсь, пока ни кончу.

– Нет, Толик. И так голова кругом... Не ожидала, что так заберет... Да и поздно уже. Нам пора. Спокойной ночи, – чмокнула в щеку, накинула платье и стремительно выскочила за дверь. А я стоял и не мог шевельнуться от боли. Хорошо хоть знал, что надо делать. И минут через десять уже спал мертвецким сном...

– Ну, как? – спросил утром Виктор.

– Нормально, – ответил ему.

– Сегодня моя очередь, – тут же определился он.

Вечером на танцах Фаину не обнаружил. А утром следующего дня узнал, что она уехала.

– Как уехала? – растерянно спросил Виктора.

– Как все – путевка кончилась. Кстати, ты ей очень понравился. Теперь моя Оляка возжелала с тобой попробовать, – сообщил он.

– Да пошла она! – вполне определенно ответил ему.

Больше на танцы не ходил, решив, что хватит с меня и одного эксперимента...

А однажды в порт пришел греческий корабль. Мы так и не узнали, с какой целью, но вечером на танцах вдруг появились греческие моряки. И на несколько дней танцы стали главным развлечением отдыхающих.

«Вот теперь я действительно в Греции», – размышлял, пытаюсь уловить смысл восторженных фраз на незнакомом языке, – «Они вернулись в свой Мариуполь, хоть ненадолго, и теперь рады без памяти. Вон как воркуют. Знать бы еще, о чем?» А в порту стоял ярко освещенный «грек» – их огромный плавучий дом.

Но как-то утром корабль исчез, будто и не было его никогда. Порт надолго опустел, так больше ничем и не порадовав.

Ну, а в пляжной зоне, кроме спасательных катеров, так ничего и не заметил, даже гребных лодок. Что уж говорить о парусниках. «Их нет у меня», – как в какой-то цыганской песне.

Через день после ухода «грека» проснулся от необычного шума за окном. Оказалось, на город обрушился ливень с сильным ветром и градом. Глянув на море, увидел, что оно в белых «барашках». Неужели шторм?

Сразу после завтрака отправились с Виктором посмотреть. И вправду шторм. Похолодало. Порывистого ветра уже не было, да и дождь прекратился, а огромные волны накатывали и накатывали на пляжный песок, разбиваясь о двухметровую каменную стену набережной. Это было нечто! В туче соленых брызг светилась радуга. А побелевшее от пены море рокотало, сокрушая сушу. Жаль, не разрешили купаться. Специальные патрули и спасатели были начеку и быстро отлавливали потенциальных нарушителей. А сколько всякой дряни выбросило тогда море. Похоже, не только дряни – энтузиасты, жаждущие сокровищ, долго еще ковыряли палками береговой мусор...

Дня через три погода наладилась, и время вновь полетело. К Стаскевичам так и не попал. Дважды подходил к их дому, но поговорить удалось только с волкодавом Серёжей. Узнал он меня, или нет, но не лаял, а внимательно слушал мои речи из-за калитки. Похоже, хозяйева были на работе...

Незаметно подошел последний день у моря. Завтра утром поезд. Еще вчера попрощался с Виктором – его самолет летал на Сахалин раз в неделю.

Прямо с утра, еще до завтрака, в последний раз пообщался с необщительным Серёжей, а потом попытался отыскать дорожку, по которой шли тогда с Василием Георгиевичем.

И – о, чудо! – неожиданно вышел на памятный холм. И снова был очарован волшебной картиной морских просторов. Совсем недавно мы стояли здесь с отцом Толика Беленького, открывшим мне этот мир, и как, уже кажется, давно это было. А теперь только и остается широко развести руки, как он, и попрощаться:

Прощай, свободная стихия!
В последний раз передо мной
Ты катишь волны голубые
И блещешь гордою красой.

Это уже наверняка Пушкин, кто же еще! Вряд ли наши великие поэты были в Мариуполе, но Лермонтов, мне кажется, навещал Тамань и видел это море, только с другого берега. Во всяком случае, его герои бродили по тем местам. И море тогда было точно таким, каким вижу его я.

Жаль, не пишу стихов, а лишь под настроение вспоминаю через пень-колоду чужие. Но я еще школьник и только учусь. Да и море это увидел впервые. Нет, оно меня не разочаровало. Я люблю его, как и прежде, но не фантастическое, а реальное.

Что ж, до свидания, море! Я запомню тебя таким...

Вечером, слушая «прощальный концерт» пианиста, невольно впал в состояние меланхолии. Когда еще вернусь сюда, в Мариуполь, и вернусь ли когда-нибудь.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.